

С. Поцелуев

ВСПОМИНАЯ ЛУКАЧА

Реформа сознания и есть собственно революционный процесс.

Д. Лукач. История и классовое сознание

Столетний юбилей Русской революции дает естественный повод для размышлений об истории марксизма и большевизма. Важной частью этой истории стало творчество Дьёрдя Лукача — одного из самых влиятельных философов прошлого века, венгерского мыслителя, тонко знавшего и ценившего русскую культуру. Правда, встреча трудов Лукача с отечественным читателем часто растягивалась на десятилетия, и это касается прежде всего самой знаменитой книги философа — «История и классовое сознание». Но и многие другие его сочинения остаются у нас малоизвестными, так что смысл для публикации русского перевода представленных в настоящем томе работ Лукача ныне имеется, только вот насколько интересной станет эта публикация для современного читателя? Конечно, исторический интерес к марксизму, да и к самой фигуре Лукача, в России сегодня присутствует, однако общественно-политический контекст, в котором рождались марксистские сочинения венгерского мыслителя, изменился кардинально. Исчезла советская цивилизация, европейское коммунистическое движение, противостояние капитализма и «реального социализма» и еще многое из того, что составляло смысл философских и политических дискуссий, спровоцированных, помимо прочего, и «Историей...» Лукача. К тому же в последние годы старательно «зачищалась» память о венгерском философе, особенно у него на родине: правонационалистическое правительство Венгрии закрыло Архив Лукача в Будапеште, а совсем недавно было принято решение о демонтаже памятника мыслителю в городском парке венгерской столицы. Впрочем, на подобных печальных фактах история левой философской мысли, конечно, не завершается; уже в начале 2000-х гг., среди тогдашних страстей по «международному терроризму» и антиглобализму мы услышали новые, оптимистичные тона: «Десятилетие меланхолии для левых закончи-

лось. Страхнув с себя социал-демократическое пораженчество, они снова пошли в теоретическую атаку»¹.

ПРИЗРАК ТЕРРОРИЗМА

В отечественной гуманитарной науке имя Лукача после временного интереса, вызванного публикацией во второй половине 80-х гг. его крупных марксистских сочинений², в последующие 90-е гг. упоминалось довольно редко и часто в негативном контексте. В период вульгарно-либеральной критики советских «идолов и идеалов» уже мало кто делал различия между догматическим и творческим марксизмом, между жертвами и палачами внутри европейского коммунистического движения. Один из известных советских историков неомарксизма, Ю. Н. Давыдов, выступил в середине 90-х гг. с весьма примечательной статьей, в которой заявил, что молодой Лукач и последовавшая за ним Франкфуртская школа — это леворадикальная, неомарксистская версия «кризисного сознания», возникшая «из лоно неогегельянства» первой трети XX в.³ Из неогегельянского идеализма, — утверждал Ю. Н. Давыдов, — появляется этот «гипертрофированный антипозитивизм», доходящий до «аннигиляции всякой фактичности», это опасное сознание, которое «то тут, то там» разрешается «экстремистскими выплесками». Получается, мы имеем здесь дело с каким-то идеологическим уродцем, причем не совсем ясно, откуда он берется: то ли из голов неполноценных индивидов, склонных от природы к «кризисам», то ли из кризисных эпох, уродующих даже благоразумные головы. Как бы то ни было, автор «Истории и классового сознания» оказывается предшественником идейного взаимодействия «фрейд-марксизма Франкфуртской школы, экзистенциал-марксизма Сартра и феноменологического марксизма Мерло-Понти», в атмосфере которого «начинается процесс кристаллизации той взрывчатой смеси, которую нельзя определить иначе, как «социологический радикализм».

Экстремизм, взрывчатка, терроризм... После 11 сентября 2001 г. сближение даже покойного автора с таким ассоциативным рядом способно отпугнуть любого благоразумного читателя. Но неужели Лукач и впрямь был од-

¹ Müller J.-W. «Empire» — Meer ohne Ufer. Ein Buch mit globaler Resonanz. Neue Zürcher Zeitung (NZZ)-Online, 10.11.2001.

² См.: Своеобразие эстетического. В 4-х тт. М.: Прогресс, 1985–1987; Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987; Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М.: Международные отношения, 1990; К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991; Теория романа // Новое литературное обозрение. М., 1994. № 9.

³ Давыдов Ю. Н. Эволюция теоретической социологии XX века // Социологические Исследования, № 8, 1995. С. 54.

ним из родоначальников современного террора? К примеру, для Ф. Любиха, обозревателя «Frankfurter Allgemeine Zeitung»¹, так оно и есть. Размышляя по поводу руин нью-йоркского World Trade Center, он, между прочим, напоминает читателям, что лет 80 тому назад венгерский коммунист Лукач стал прообразом иезуита Нафты из «Волшебной горы» Т. Манна, а поскольку этот образ воплощает в себе всё антилиберальное и реакционное и вообще представляет собой «каталог добродетелей» международного террориста, постольку Лукач тоже оказывается теперь под большим подозрением. Получается, и после своей смерти, и после гибели «реального социализма», и в дымке нынешнего, совсем уже не левого, террора Лукач кажется идеологически неблагонадежным и политически опасным. Таковым он, разумеется, кажется только хранителям консервативно-либеральных ценностей (в том числе из наших бывших «марксистов»), для левой же мысли он до сих пор остается наиболее значимым марксистским философом прошлого столетия, а его книга «История и классовое сознание» — самым влиятельным источником марксистской философии этого периода². Впрочем, и в приведенных выше негативных оценках содержится одна бесспорная истина: Лукач остается *современным* автором, и это лишний раз подтверждает полную уместность появления русских переводов его сочинений.

Попробуем теперь разобраться, в чём же может состоять актуальность для современного читателя самого знаменитого труда венгерского философа — его «Истории и классового сознания».

«Капитал, — как заметил К. Маркс, — в своем практическом движении считается с перспективой будущего вырождения и в конечном счете неизбежного вымирания человечества не меньше и не больше, чем с перспективой возможного падения земли на солнце. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте. *Après moi le déluge!* — вот лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению»³. Эти слова звучат ныне не менее актуально, чем в середине позапрошлого века, ибо и сегодня «потоп» может наступить в любой момент, вместе с экологическими, финансовыми и военными катастрофами глобального капитализма. И «принуждение общества» по отношению к капиталу сегодня не стало менее актуальным, чем во времена Карла Маркса.

¹ Lubich F. A. Seine tiefste Lust ist der Gehorsam. FAZ vom 26.10.2001.

² См., к примеру: Рокмор Т. Об открытии Маркса после марксизма // Вопросы философии. 2000. № 4.

³ Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 23. С. 276.

Капитализм был и остается экономической машиной, которая может кормить людей, но может и пожирать их. Наличие левой критики — одно из условий эффективного и полезного функционирования такой машины. Экономические и политические катастрофы, которые капитализм вызывал, сопровождалась борьбой профсоюзов, социалистов и коммунистов. Не в последнюю очередь под давлением этой организованной и постоянной борьбы дикий капитализм становился более «ручным» и «социальным». И сегодня для нормального функционирования власти в обществе нужна умная и сильная левая оппозиция, левая альтернатива. Эта альтернатива не обязательно должна представлять собой единую политическую организацию с жесткой внутренней структурой, тем более проникнутую милитаристским духом; но важной остается глубокая и вместе с тем конструктивная критика актуального хода вещей. Уже по одной этой причине нельзя запросто отмахнуться от истории социалистической и коммунистической мысли. Но сколько раз уже протерлась с марксизмом общественная мысль! Его не раз торжественно хоронили: вначале социалисты-ревизионисты, потом разочаровавшиеся «новые левые»; как «дохлую собаку» закапывала его в землю консервативная и либеральная буржуазная мысль; наконец, его душила в объятиях советская марксистско-ленинская «ортодоксия». Но, кажется, марксизм неистребим, он почему-то постоянно воскресает. Секрет этого долголетия на самом деле прост: марксизм пытается честно объяснить темные стороны капитализма, которых со временем, к сожалению, не становится меньше.

Не стало их меньше и после крушения «реального социализма». Скорее, наблюдается обратная тенденция. Существование «социалистической альтернативы» заставляло Запад вкладывать деньги в страны третьего мира, предлагать программы развития (к примеру, «зеленую революцию» в обмен на «красную»). Сегодня же транснациональные корпорации уходят из бедных регионов планеты, используя их только в качестве поставщиков дешевого сырья. Повсюду в мире, даже в развитых странах, наблюдается неуклонное наступление на социальные права наемных работников, интересы которых становится всё труднее защищать на уровне профсоюзов и национальных правительств. За последние десятилетия соотношение уровня доходов «золотого» и нищего миллиардов планеты не только не сократилось, но увеличилось в несколько раз. Это положение отягчается еще и тем, что из трех основных капиталистических рынков либерализации подвергаются только рынки товаров и капиталов (да и то с ограничениями для бедных стран), тогда как для передвижения рабочей силы высокоразвитые государства воздвигают непреодолимые полицейско-юридические кордоны. Открытость мировых рынков оказывается, таким образом, на руку только изначально

сильным глобальным игрокам, для изначально же слабых — это заранее проигрышная стратегия. Но именно в слаборазвитых странах в последние десятилетия наблюдалась даже не пролетаризация, а массовая люмпен-пролетаризация миллионов людей, оторванных от традиционных форм хозяйствования и не интегрированных капиталом. Причем эти миллионы «люмпенов», в отличие от эпохи 60-х гг., не питают особых иллюзий относительно «помощи Запада» и процесса «глобализации». Это только для одних людей неолиберальная глобализация открывает новые возможности и блестящие перспективы. Для других же она создает непонятный и двусмысленный мир, в котором граждане и правительства всё меньше становятся хозяевами в собственном доме. Ну, а многим людям нынешняя глобализация вообще кажется сугубо элитарным и враждебным проектом, который только консервирует их беспросветную нищету и отчаяние. Именно здесь кроется основной источник правонационалистического популизма и «бомбового экспрессионизма» в современной политической коммуникации. Кажется сомнительным, что при таком положении вещей уже устарел пресловутый «классовый подход», составляющий политический нерв всей «Истории и классового сознания». Разве, например, официальная «борьба за демократию» не подчиняется сегодня борьбе за нефтяную трубу? Разве страх потерять власть-собственность в постсоветских государствах не толкает их правящие кланы к сомнительным (с точки зрения национальных интересов) уступкам могущественному американскому капиталу? И разве причины международного терроризма и борьба с ним не имеют под собой постоянное обострение противоречий между «верхами» и «низами» общества, противоречий, приобретающих ныне форму конфликта между богатыми и бедными регионами мира? Конечно, в мире живут миллионы людей, готовых убивать и умирать за «веру» и «нацию», но не будем забывать, что энергия религиозной или национальной ненависти часто не только направляется, но сознательно культивируется «верхами» общества для удержания и распределения власти над «низами».

Правда, в современном общественном дискурсе классические левые понятия «капитализма», «буржуазии» и т. д. давно вытеснены социально нейтральными и анонимными терминами. При этом экономическая система, решающая судьбу миллиардов человеческих существ, как никогда раньше, воспринимается как часть природной стихии, абсолютно неподвластной человеку. «Прогнозы» ученых экономистов по поводу движения этой стихии сегодня абсолютно ничем не отличаются от предсказаний уличных гадалок. И как раз эту ситуацию Лукач квалифицировал в «Истории и классовом сознании» как фетишистскую иллюзию, как тотальное овеществление социального мира и сознания в условиях современного капитализма. Актуальность такой оценки за последние

десятилетия несколько не уменьшилась. Люди всё в большей степени (благодаря науке и технике, новым рынкам и инвестициям) формируют собственную общественную среду, но одновременно они пасуют перед ее стихийным движением. Это и есть то, что Лукач называл «утратой тотальности» в буржуазной экономике, идеологии и политике. Однако вместе с утратой этого принципа улетучивается и морально-политическая ответственность за будущее общества; социально-политическая мысль неизбежно фетишизируется, отрещиваясь в постмодернистском стиле от «тотальности» как «тоталитарной заразы» и возвращаясь к попыткам подчинить движение общественного целого при помощи магических заклинаний против «мирового зла» или авантюристической политики «героев».

Сегодня мы можем констатировать, что повсюду в мире насчитываются миллиарды людей «избыточного» (с точки зрения капиталистического рынка) населения. Эти миллиарды страдают от законов функционирования глобального капитализма, пытаются бежать в богатые регионы мира, однако у них мало шансов когда-либо «нормально» устроиться в существующей системе. Поэтому вопрос стоит так: есть ли будущее у пяти миллиардов человечества, кроме одного «золотого»? И если этого будущего нет, какие тогда политические и военные катастрофы ожидают человечество в наступившем столетии? Без глобальной и хорошо продуманной политики, без помощи богатого Севера бедному Югу (причем не только деньгами, но и в реализации образовательных и экологических программ, в планировании семьи и т. д.) грозящая миру «война цивилизаций» и грозный призрак мирового терроризма могут стать еще более полнокрвной реальностью.

ПРЕВРАТНОСТИ СИНТЕЗА

Независимо от того, насколько актуален или устарел сегодня марксизм, книга Лукача вызывает значительный исторический интерес, ведь неслучайно же немецкий историк философии Г. Шнедельбах назвал «Историю и классовое сознание» — наряду с «Логико-философским трактатом» Л. Витгенштейна и «Бытием и временем» М. Хайдеггера — в числе трех книг, определивших состояние всей немецкой философии XX в.¹ В данной статье нет смысла подробно рассматривать исторические обстоятельства появления книги Лукача, а также ее влияние на философскую традицию XX в. Отчасти об этом читатель может узнать из Предисловия 1967 г., написанного Лукачем в связи с переизданием его ранних работ, отчасти же — из отечественных публикаций, посвященных жизни и творчеству этого выдающегося

¹ Schnädelbach H. Philosophie in Deutschland 1831–1933. Frankfurt am Main, 1983.

венгерского философа и политика¹. Что же касается иностранной исследовательской литературы, то она настолько огромна², что даже перечисление наиболее значимых работ заняло бы здесь слишком много места. В историко-философском плане следует всё же отметить пару моментов, которые, на мой взгляд, недостаточно были отражены как в оценках (часто покаянных) самим Лукачем своего главного произведения, так и в посвященной ему критической литературе. К таким моментам относится, во-первых, оригинальный синтез идей классической немецкой философии (включая Маркса) и новейшей философии (прежде всего, «философии жизни» Зиммеля и теории капиталистической рациональности Вебера, а также воззрений Ж. Сореля); и, во-вторых, взгляд на «Историю...» как на своеобразную попытку решения метафизических проблем, уходящих своими корнями в ранее идейное развитие Лукача, в котором крайне важную роль играет «русская тема»: творчество Достоевского и этика русских террористов.

Хотя следы этих новейших влияний и замечались марксистскими критиками «Истории и классового сознания», они всё же играли несущественную роль по сравнению с «гегельянством» Лукача. Сходную, хотя и с противоположным знаком, оценку давали «Истории и классовому сознанию» единомышленники Лукача и его соратники по коммунистическому движению, прежде всего, К. Корш и Й. Ревай³. Они тоже отмечали «гегельянство» автора «Истории и классового сознания», но приветствовали это как возвращение к подлинно диалектическому (т. е. гегелевскому) методу Маркса, освобожденному от позднейших вульгарно-позитивистских наслоений.

С историко-философской точки зрения важно заметить, что гегельянство автора «Истории...» не было ортодоксальным. Этот момент почти выпал из поля зрения первых рецензентов Лукача, особенно тех из них, кто относился с явной идеологической симпатией или антипатией к автору «Истории...». Ситуация с гегелевским наследством в «Истории...» в этом отношении чем-то напоминала позицию Лукача в «Теории романа» (1916), которую он сам

¹ О жизни и творчестве Д. Лукача см., к примеру: *Хевеши М. А.* Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977; *Поцелуев С. П.* «История и классовое сознание» Д. Лукача: теория «овеществления» и романтический антикапитализм // Вопросы философии. 1993. №4. *Поцелуев С. П.* Русская тема венгерского философа. Ростов-на-Дону, 2001; *Стыкалин А. С.* Дёрдь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001; *Дмитриев А. Н.* Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.). СПб.–М., 2004.

² Число таких публикаций насчитывает несколько тысяч. См., к примеру, солидную, хотя неполную и давно устаревшую библиографию: *Lapointe Francois H.* Georg Lukács And His Critics. (An International Bibliography with Annotations (1910–1982)). Greenwood Press, Westport, Connecticut–London, 1983.

³ См.: *Korsch K.* Über materialistische Dialektik // Die Internationale (Juni 2, 1924). S. 376–379; *Révai J.* «Georg Lukács, Geschichte und Klassenbewußtsein» // Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung. Jg. 11 (1925). S. 227–236.

охарактеризовал позднее (в Предисловии к изданию 1963 г.) как «неортодоксальное гегельянство»¹. В нём типично гегелевская историчность категорий соединялась с «иронией» немецких романтиков, кьеркегоровским экзистенциализмом, «философией жизни» В. Дильтея и А. Бергсона, «социологией культуры» Г. Зиммеля и М. Вебера. Одним из первых, кто указал на сходное положение в «Истории...», был немецкий философ Зигфрид Марк, который в своей рецензии на «Историю...» обратил внимание на оригинальный синтез в теории овеществления Лукача идей молодого Гегеля и молодого Маркса, традиций немецких романтиков, бергсоновских понятий «пространства» и «времени», веберовской теории «идеальных типов»².

В «Истории и классовом сознании» мы наблюдаем аналогичный синтез идей Гегеля и Маркса с идеями и понятиями современной Лукачу философии. В результате для всех основных категорий «Истории и классового сознания», даже вполне ортодоксальных для марксизма, характерно своеобразное смысловое «роение», когда, к примеру, в гегелевских или марксовских категориях угадываются идеи Г. Зиммеля, В. Дильтея и М. Вебера. Вероятно, именно эта не всегда очевидная полифония основных категорий «Истории...» лежит и в основе того, что Лукач гораздо в большей мере, чем он сам думал, наметил синтез немецкой классической философии и современной ему философской мысли. Эта сторона «Истории...» — не менее важная, чем новое открытие «гегелевских корней» марксизма и вовлечение идей молодого Маркса в общую систему марксистской философии (чем Лукач впоследствии по праву гордился). Укажем в этой связи, к примеру, на оригинальную концепцию контемплативного мышления, развитую в очерке об овеществлении, на философски глубокую постановку вопроса о бытии, на крайне интересное (особенно с учетом нынешней «глобализации») понятие тотальности, на своеобразный синтез в «Истории...» мыслительных фигур гуссерлевской и гегелевской феноменологий и еще на многое-многое другое. Однако всё это требует еще специального, дополнительного анализа.

Особо следует сказать об отношении «Истории и классового сознания» к веберовской социологии, ибо, наряду с Гегелем и Марксом, Вебер является, пожалуй, третьим по значению источником мыслительной архитектуры всей книги Лукача. «Современный капитализм» у Лукача — это в такой же мере веберовский, в какой и марксовский капитализм. Лукач в своей концепции овеществления не просто добавляет к веберовским понятиям капиталистической рациональности (калькуляции), капиталистического предприятия и т. д. марксовы понятия товара, товарного фетишизма, абстрактного труда

¹ Lukács G. Die Theorie des Romans. Neuwied u. Berlin: Luchterhand, 1963. S. 10.

² См.: Marck S. Dialektisches Denken in der Philosophie der Gegenwart // Logos 15 (1926). S. 26 f.

и т. д.; речь идет именно о теоретическом синтезе, в котором одновременно изменяется смысл как веберовских, так и марксовых категорий. Собственно, в этом оригинальном синтезе и состоит секрет философского успеха «Истории...»; без принципиальной идейной новизны эта книга никогда бы не стала «библией» западного марксизма¹, «связующим звеном» между веберовской концепцией рационализации и понятием овеществления в «Диалектике Просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймера² и т. д.

Анализируемое Марксом овеществление человеческих отношений мыслится Лукачем как результат «абстрактного, равного, сравнимого труда», но этот последний Лукач связывает — уже в духе Вебера — с превращением труда в частичный, специализированный труд и с возникающей на этой основе капиталистической рационализацией как точным исчислением (калькулируемостью) всех искомым результатов деятельности. Лукач непосредственно заимствует у Вебера не только характеристику капиталистической рациональности как редукции качества к количеству при товарном обмене, но и распространение Вебером принципа рационализации, «настроенной на калькуляцию, на *калькулируемость* явлений»³, на другие сферы общества, прежде всего, на современное право и бюрократию.

Однако влияние Вебера в «Истории и классовом сознании» не ограничивается только теорией овеществления, хотя в ней, оно, конечно, наиболее явное. К примеру, сопоставление марксова понятия «характерной экономической маски» с веберовским «идеальным типом» не случайно возникает у Лукача именно в связи с его определением «классового сознания». С одной стороны, он использует при этом такие (по названию вроде бы чисто гегелевские) категории, как «тотальность», «объективная возможность», «непосредственное и опосредствованное». С другой же стороны, как в этих категориях, так и в самом способе определения классового сознания явно ощутимы мотивы неокантианства и философии жизни. Данный пример с определением классового сознания показывает, помимо прочего, и двусмысленность самого понятия «метода» в «Истории...». Хотя Лукач не без основания ставил себе в заслугу оживление интереса к гегелевскому диалектическому методу как к логике «исторически развивающихся понятий» или «конкретного всеобщего», он всё же во многом оставался в методологической традиции Вебера. К примеру, обращает на себя внимание гораздо более частое употребление Лукачем термина «методический», нежели «методологический». И это, видимо, тоже не случайно, поскольку напря-

¹ Merleau-Ponty M. Die Abenteuer der Dialektik. Frankfurt am Main, 1974. S. 11.

² Habermas Ju. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. I. Frankfurt am Main, 1981. S. 473 ff.

³ Lukács G. Geschichte und Klassenbewußtsein // Georg Lukács Werke. Bd. 2. «Geschichte und Klassenbewußtsein, Frühschriften II», Neuwied und Berlin: Hermann Luchterhand Verlag, 1968. S. 262.

мую связано с веберовским учением об идеальных типах. Вслед за Вебером Лукач рассматривает идеально-типические конструкции не как отражения «объективной» действительности, а в сугубо прагматической перспективе, противоположной «абстрактно-теоретическому методу» (соответственно, и методологии как философскому учению о таком методе¹), т. е. как «научную методику, возникающую из общественного бытия класса»². Правда, Лукач идет в том смысле дальше Вебера, что он ставит вопрос о методике применения диалектических принципов, причем не столько в науке, сколько в социально-политической практике. Применительно к этому мессиянски истолкованному диалектическому методу можно говорить о своеобразной «прагматике спасения» в «Истории и классовом сознании».

В своем понятии «современного капитализма» Лукач как бы обнажает моменты единства веберовской и марксовской теорий капитализма, вопреки распространенному мнению, будто Вебер — это лишь «бюргерская альтернатива Марксу»³. Здесь, по-видимому, еще не исчерпала себя плодотворная дискуссия. В любом случае оригинальный синтез веберовских и марксовых идей в «Истории и классовом сознании» получил позднее развитие в неомарксизме Франкфуртской школы. Кстати, В. Беньямин, которого ныне представляют чуть ли не идеологом «буржуазной левизны» в противоположность пролетарской левизне Ленина и Лукача, признавался в одном из своих писем в 1924 г., что «История...» — это «очень важная, именно для меня, очень важная книга»⁴. А немного позднее, в 1929 г., Беньямин назвал

¹ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990. С. 386.

² Lukács G. Geschichte und Klassenbewußtsein... S. 281.

³ См. об этом: Löwy M. Weber Against Marx? (The polemic with historical materialism in the «Protestant Ethic») // Science & Society. Spring 1989. Vol. 53, No. 1. P. 71–83. М. Леви считает ложным стереотипом мнение, будто веберовская «Протестантская этика и дух капитализма» является «опровержением» исторического материализма или его «методологической альтернативой». Несмотря на некоторые критические замечания Вебера в адрес «исторического материализма» и «теоретиков надстройки», — пишет Леви, — Вебер, как и Маркс, признаёт «фундаментальное значение» учета экономических условий в своей социологии культуры. (См.: Вебер М. Предварительные замечания // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990. С. 55, 77.) В связи с этим возникает вопрос о том, насколько Вебер различал между «историческим материализмом» как идеологией и собственно марксовым анализом капитализма. С другой стороны, некоторые аргументы Вебера против «материалистической точки зрения» бьют мимо цели в случае «Истории и классового сознания», где как раз отрицается принцип «отражения» в трактовке общественного бытия. Сверх того, Лукач явно опирается на веберовскую «Протестантскую этику...», когда заявляет, что революционная религиозность протестантских сектантов «действительно соответствует фундаментальной идеологической структуре капитализма». См.: Lukács G. Geschichte und Klassenbewußtsein... S. 378–379.

⁴ Benjamin — Scholem, 13.06.1924. Briefe, S. 350. Цит. по: Wiggershau R. Die Frankfurter Schule. Geschichte, theoretische Entwicklung, politische Bedeutung. Carl Hanser Verlag, München–Wien, 1987 (2-е Aufl.). S. 106.

книгу Лукача «наиболее цельным философским сочинением марксистской литературы, уникальность которого заключена в той уверенности, с какой оно сумело в критическом положении философии узреть критическую ситуацию классовой борьбы, а в наступавшей революции — абсолютную предпосылку и последнее слово теоретического познания»¹.

МИФОЛОГИЯ ПОНЯТИЙ

Хотя Лукач и берёт на вооружение гегелевский принцип диалектического тождества мысли и бытия, субъекта и объекта в «тотальности» абсолютного разума, всё же реализует этот принцип в его книге не гегелевский абсолютный дух, но «классовое сознание пролетариата», активность которого обнаруживает отнюдь не гегельянские мотивы. Здесь надо отметить религиозно-этические и эстетические аспекты «классового сознания», которые резко отличают это понятие от гегелевского «духа» или марксова «пролетариата». Под «пролетарским сознанием» у Лукача подразумевается не «диалектическая механика категорий», буднично и постепенно очеловечивающая овеществленный мир, но катастрофичный «великий отказ» от овеществления как от «мира завершенной греховности», отказ в форме героического спасения культуры от овеществления. Задолго, например, до бодрыйяровской критики «диалектики» автор «Истории...» уже отчасти наметил русло постмодернистской логики абсурдов, отвергая «самопротиворечивую и логически нелепую» диалектику перехода одной «вещи» в другую «вещь»². А описываемая Лукачем овеществленная логика «самоупражняющихся понятий»³ могла бы послужить довольно точным обозначением для всего постмодернистского стиля мышления.

Политическое действие неразрывно связано у Лукача с этическим и религиозно-мистическим истолкованием пролетарского сознания. В этой связи до сих пор остается не вполне оцененным авангардистский смысл «философско-диалектической практики» пролетариата в «Истории и классовом сознании». Эта практика как бы подражает искусству, упраздняя овеществление и производя действительность из «конкретно-тотального субъекта», т. е. пролетарского сознания. Фактически речь идет о практике как авангардистском акте творчества, взламывающем границы между произведением и обыденным миром, между художником и публикой. Внутренняя связь «Истории и классового сознания» с

¹ См. об этом: *Kleinschmidt S.* Von der Seite der Moral. Georg Lukács «Geschichte und Klassenbewußtsein». Berliner Zeitung, 26.09.2000.

² *Lukács G.* Geschichte und Klassenbewußtsein... S. 364.

³ *Ibid.* S. 365.